

открыты отделения карельского и вепского языков в Петрозаводском университете и в Педагогическом институте; Петрозаводское пед. училище готовит работников ДДУ для преподавания карельского языка. Карельский и вепский языки преподаются также в Петрозаводской консерватории. Созданы учебные пособия по карельскому и вепскому языкам для школ и вузов.

На карельском и вепском языках издается художественная литература, главным образом для детей; данные языки используются в средствах массовой коммуникации (пресса, радио и телевидение). На карельском языке ставятся театральные спектакли.

Во всех этих сферах функционирует и финский язык, чьи позиции за последние годы также существенно укрепились, поскольку, с одной стороны, он больше не воспринимается как конкурент родного языка, а, с другой стороны, интерес к нему стимулируется все возрастающими экономическими и культурными контактами с Финляндией.

Summary

On the territory of Karelia three languages of its indigenous population have been spoken since long ago: Russian, Karelian and Veps. The fortune of Karelian and Veps before the October Revolution was as complicated as the fortune of other languages of the Russian Empire without established written tradition. Moreover, they existed in the situation of the non-ceasing competition with Finnish which played quite an important role in the development of linguistic situation in Karelia in the post-revolutionary period.

The last decade turned out to be quite favorable for Karelian and Veps: they got writing systems and their social functions grew essentially.

А. И. Кузнецова / A. I. Kuznetsova
Москва / Moscow

Типологическое изучение финно-угорских и самодийских языков в рамках одной семьи как одно из перспективных направлений современной уралоистики

Typological Study of Finno-Ugric and Samoyed Languages within one Linguistic Family as one of Prospective Trends in Uralistics Nowadays

В современном языкознании типология представляет собой заметную область лингвистических исследований. Синхронное изучение внутриязыкового многообразия и стоящих за ним структур может проводиться как на материале языков различных языковых семей, так и на базе родственных языков, в пределах одной языковой семьи. В группе

финно-угорских и самодийских языков этому многообразию угрожает в настоящее время драматическое сокращение в связи с вымиранием ряда языков малочисленных уральских народов. Реальная угроза исчезновения языковых данных должна пробудить дополнительный интерес у лингвистов к типологическим изысканиям, поскольку при синхронном сопоставлении языков одной семьи лингвист, наметив некие универсалии, может сразу заметить лакуны в языковом материале отдельных языков (особенно ныне исчезающих) и сосредоточить на них особое внимание в своей полевой работе, попытаться заполнить эти пробелы, обратившись, например, к материалам диалектов. При занятиях типологией родственных языков (в том числе, уральских) исследователю-типологу доступен сбор материала по всем языкам (и даже по большей части его диалектов) в большей мере, чем при установлении типологических соответствий по языкам, относящимся к различным языковым семьям. «Внутрисемейное» типологическое исследование позволяет легче обнаружить в языках одной семьи изоморфные и алломорфные отношения, вывести общую закономерность и найти причины отклонения от нее. В дальнейшем полученные результаты могут быть с большей надежностью сопоставлены с найденными универсалиями в других языковых семьях.

Следует, однако, помнить о зыбкости границ между типологическим и сравнительно-историческим сопоставлением языковых данных. В самом деле, если признать существование ностратической языковой семьи (семито-хамитская, дравидийская, тюркская, уральская, кавказская и индоевропейская), то можно говорить, что в историческом плане типологическое изучение указанных языков (с современной точки зрения неродственных) в далеком прошлом было сравнительно-историческим изучением языков родственных. Поэтому нет ничего удивительного в том, что те типологические сходства, которые можно обнаружить сейчас между языками уральскими и тюркскими, уральскими и индоевропейскими, уральскими и кавказскими и т. д., нередко бывают объяснимы и с точки зрения их далекого генетического родства. Примером подобных типологических совпадений между тюркскими и уральскими языками может служить, например, гортанный смывной, имеющийся не только в тюркских языках, но и в самодийских, в отдельных говорах мордовских языков (наличие его в последних было недавно описано Г. И. Ермушкиным).

Типологически сходные явления имеются на всех языковых уровнях, а не только на фонетико-фонематическом.

В последнее время лингвисты все чаще обращаются к типологии в области грамматики. Много неожиданных открытий ждет финно-угроведов при сквозном изучении категорий посессивности и лица во

всех уральских языках, причем приходится признать, что это по сути своей одна и та же категория, реализующаяся в именах и глаголах. Функционирование категории посессивности тесно связано с категориями определенности (например, в коми языке) и с глагольной категорией спряжения. Так, в селькупском языке можно по-разному трактовать показатель *-tu* во фразе *Tär alakor qol'sutra-tu* как суффикс принадлежности («Он лодку нашел-свою») или как суффикс со значением определенного артикля, со значением определенности («Он лодку нашел ту, которую искал, определенную»). В мордовских языках *-мо* и *-ме* инфинитивы могут иметь лично-притяжательную суффиксацию, которая в случаях переходности действия ориентирована на прямой объект.

Типологическое изучение уральских языков можно проводить, беря за основу не какую-либо отдельную категорию, а определенное функционально-семантическое поле. В этом последнем случае в типологическое сравнение окажутся втянутыми не только грамматические, но и лексические единицы языков.

Все чаще появляются новаторские типологические работы в сфере синтаксиса. В последние десятилетия, например, ведется системное описание номинативности и эргативности на материале обско-угорских языков: то раздаются голоса, выражающие мнение, что в ваховском диалекте хантыйского языка мы имеем дело с элементами эргативного строя (А. Н. Баландин, Л. Хонти и др.), то доказывается, что там номинативный строй, обладающий некоторой спецификой (точка зрения Н. А. Лысковой). Все это не должно вызывать удивления, если признавать ностратическую теорию. Точно так же в ненецком, селькупском, мансийском языках обнаруживались элементы посессивного строя, отмечаемого также в некоторых кавказских языках, и т. д. В результате подобных типологических находок лингвисты начали пересматривать инвентарь грамматических средств и членов предложения, по-новому оценивать падежи на глубинном и поверхностном уровнях, учитывать семантические изменения в падежной сфере, выделяя помимо основных вторичные значения и отмечая появление у них новых оппозиций.

В мировой типологической практике большой интерес вызывает установление преобладающих типов порядка слов в языках мира, что связывают с правосторонним или левосторонним ветвлением предложения (см., например, работы М. С. Драйера), с актуализацией предложения. Установленная корреляция подтверждается и для многих уральских языков (одновременно в ряде их, в силу развитой полипредикативности, возникают дополнительные трудности при определении зависимости между ветвлением предложения и порядком слов). В работах Т. Хелла, М. Вилкуна, Е. Кисса и др. при описании «свободного» порядка слов в финском, эстонском и венгерском языках отмечается,

что несмотря на близкое родство двух первых языков порядок слов эстонского предложения скорее венгерского типа, чем финского, что указывает на наличие некоторых других корреляций.

В свою очередь, преобладание в языке того или иного порядка слов связано с длиной предложения в терминах слов. Например, в таёзовско-туруханском диалекте селькупского языка 1940-х годов (с учетом многих оговорок, неминуемых для языка младописьменного с неустоявшимися правилами орфографии и с трудностями проведения границ между предложениями при записи живой разговорной речи) средняя длина предложения — около 3 слов (2,6 слова). Преобладающий тип порядка слов — SOV (в последующие годы произошли изменения в длине предложения). Языки уральской группы ждут детального изучения данных вопросов, а также выяснения причин появления того или иного порядка слов и различий в длинах предложений.

Много интересного можно извлечь из сугубо синхронного сравнения моделей слов в уральских языках, сопоставив морфемные глубины слов, т. е. количество морфем в слове, определив допустимую и запрещенную сочетаемость морфем, аранжировку морфем, их возможные метатезы и повторяемость в пределах одной модели. Учет семантики морфем позволит установить грамматические «омонимы» и «синонимы» в морфемном инвентаре уральских языков, различного вида асимметрию плана выражения и содержания, или, используя терминологию С. О. Карцевского, — асимметричный дуализм, по весу которого в языке можно сравнить между собой финно-угорские и самодийские языки.

В целом обращение финно-угроведов к типологическим исследованиям в большем объеме, чем это ведется в настоящее время, должно стимулировать лингвистов к исследованиям имеющихся материалов под новым углом зрения, к поискам свежих данных. Вместе с тем это даст возможность лингвистам-уралистам консолидировать свои силы и ликвидировать тот разрыв, который в настоящее время еще существует между финно-угроведением и общим теоретическим языкознанием.

Summary

The paper considers some advantages of typological studies of genetically related languages, i. e. within one linguistic family. It is stressed that the borderline between typological and comparative historical linguistics is quite unclear. The possibility of typological studies on all levels is discussed. In respect of synchronous studies of grammar the author suggests two approaches to typological analysis: to investigate one particular grammatical category or any functional semantic field as a whole.